

КУЛЬТУРА

УДК 930.85+39.308+7.5527

DOI:10.22378/kio.2025.2.102-127

Этнокультурная основа процесса формирования крымскотатарской художественной культуры и декоративно-прикладного искусства (5)*

Исмет Заатов

Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ;

Крымский инженерно-педагогический

университет имени Февзи Якубова;

Институт культурной антропологии

и фольклора Университета ХАЗАР

Аннотация. Взаимопроникновение этноконфессиональных культур и искусства татарского, сельджукского, армянского, иудейского, греко-православного и итальянского населения Крымского ханства начального этапа его существования способствовало появлению на карте национальных культур мира крымскотатарской художественной культуры и декоративного искусства, ставших испытывать прямое воздействие поствизантийско – тюрко-исламской культуры Османской империи, импульсы которой проникали в крымскотатарскую культурную среду через столичный Бахчисарай, османский Кефе и поселения Татского или Крыма.

* Продолжение. Начало см.: Заатов И. А. Этнокультурная основа процесса формирования крымскотатарской художественной культуры и декоративно-прикладного искусства (1–4) // Крымское историческое обозрение. 2021. № 2. С. 134–170. DOI: 10.22378/kio.2021.2.134-170; 2022. Т. 9, № 1. С. 123–154. DOI: 10.22378/kio.2022.1.123-154; 2023. Т. 10, № 1. С. 120–146. DOI: 10.22378/kio.2023.1.120-146; 2023. Т. 10, № 2. С. 143–168. DOI: 10.22378/kio.2023.2.143-168.

Ключевые слова: художественная культура, крымские татары, армяне, иудеи, греко-православные, таты, османы, Крымское ханство, Кефе, Татский иль, тюркизация, исламизация

Для цитирования: Заатов И.А. Этнокультурная основа процесса формирования крымскотатарской художественной культуры и декоративно-прикладного искусства (5) // Крымское историческое обозрение. 2025. Т. 12, № 2. С. 102–127. DOI: 10.22378/kio.2025.2.102-127

III. 5. Процесс синтеза художественной культуры крымских татар с культурами диаспор Крымского ханства и начало османской исламизации Татского иля

1433 г. стал для самостоятельности Крыма решающим. Потомок ранее владевшего Крымом тринадцатого сына, старшего сына Чингисхана Джучи – Тука Тимура, пытавшийся властвовать в Крыму с 20-х гг. XIV в. Хаджи Гирей, предпринимая шаги по созданию Крымского ханства, отделил Крымский улус от Золотой Орды. Выступив на стороне вассала Золотой Орды княжества Феодоро в ее войне с Генуей, он 22 июня 1434 г. у селения Карагоз разгромил в несколько раз превосходящую по численности силы татар Крыма армию Карло Ломелино, но тут на него неожиданно напал еще один претендент на восстановление Золотой Орды – Кучук Мухаммед, и, захватив Крым, вынудил Хаджи Гирея временно отступить в литовскую крепость Лида [17, с. 304–305]. После Мамая и Таш-Тимура, помимо Хаджи Гирея, действенные попытки создания самостоятельного государства татар Крыма предпринимали Бек Суфи, Улуг-Мухаммед, Девлет-Берди [26, с. 158–190], правившие в Крыму с 1419 по 1436 гг. [32, с. 402]. Символом самостоятельности полуострова стало основание представителем Тукатимуридов [26, с. 158–190] Мелек Хаджи Гиреем в 1441 г. независимого Крымского ханства. Правившие до него крымские улусбеки – найман Кутлуг-Буга, кунграт Ак-Хусейн, кыят Мамай привели и расселили в равнинном Крыму свои племена. До тотальной русификации исторической топонимики Крыма в 1944–1948 гг. в степях Восточного Крыма распространеными этнотопонимами являлись кунграт, кыят и найман.

Глубоко чтимые и всемерно поддерживаемые основателем крымскотатарского государства Хаджи Гиреем I философия, культура и искусство ислама явились определяющим основы духовной жизни крымских татар учением, обозначившим главные направления формирования и развития крымскотатарской культуры и искусства. Распространение традиций мусульманской художественной культуры и декоративного искусства на территорию до этого практически не знавшего ислама Крымского полуострова

происходило в ходе исламской агитации и миссионерской деятельности многочисленных дервишских групп суфииев, наводнивших Крым с сер. XIII в. [1, с. 142] из Малой Азии, стран Ближнего Востока и Средней Азии, сопровождавшихся внушительным контингентом мастеров художественной росписи, каллиграфов, вышивальщиков, швецов, краснодеревщиков, камнерезов, ювелиров и других представителей исламских художественных промыслов и декоративного искусства. Открывая свое дело, они оседали в городах и крупных поселениях полуострова. Самые искусные из них становились мастерами, обслуживающими нужды правящей династии, высшей знати и военной аристократии Крымского ханства. Строительство татарами своих городов: Кырым, Карасубазар, Бахчисарай, Гозлев, Ор, предопределило начало активных процессов в сфере создания на территории полуострова своих крымских крупных центров ремесел, образования, науки, литературы и искусства. Тюрко-исламская культура – распространившаяся в ходе процесса формирования духовных основ, впервые объединившей в своих границах территорию Крымского полуострова, часть Северного Причерноморья и Северного Кавказа крымскотатарской государственности, привнесла на крымскую землю культ книги, знаний, образования, литературы, культуры и искусства. Территория Крымского ханства явилась необходимой, для формирования и успешного проявления национальной культуры и искусства, динамично развивающимся и устойчивым этническим пространством и этнокультурной средой, определившими появление на карте национальных культур мира крымскотатарской культуры и искусства. Достигшие своего наивысшего расцвета в период «Мусульманского Ренессанса» (IX–XIII вв.) [23, с. 473] наука, культура и искусство мусульманского мира на момент начала складывания крымскотатарской художественной культуры и декоративного искусства пребывали на пике своего развития. Феноменом распространившейся в условиях крымскотатарской государственности на полуострове мусульманской культуры являлись революционные на тот момент достижения исламской цивилизации в таких областях мировой науки, как достигшие невиданных до этого высот математика, астрономия, медицина, география, философия, теология, филология, архитектура, градостроительство, ирригация, и, что особенно важно, исламское изобразительное и декоративное искусство.

Как упоминалось выше, во втор. пол. XIII–XV вв. в Крыму массово поселяются представители элиты мусульманской научной мысли, культуры и искусства из основных научных и культурных центров средневекового мусульманского мира: Бухары, Дженда, Тебриза, Эрбия, Алеппо, Эрзурума, Сиваса, Коньи [2, с. 15; 5, с. 8]. Под идейным воздействием мусульманства на территории, до этого являвшегося периферией мировых цивилизаций и культур полуострова, был основан культурно-образовательный

центр науки, культуры и образования, не уступавший современным ему культурно-образовательным центрам мира г. Солхат-Кырым. Первая столица Крымского ханства г. Кырым, название которого вытеснило название Солхат на рубеже XIV–XV вв., перешло на весь полуостров [8, с. 467–468], выступил эпицентром процесса формирования этнического ядра новой мусульмано-европейской крымскотатарской народности.

События и характер протекания процесса формирования крымскотатарской государственности и культуры описаны в исторических хрониках придворных хронистов Крымского ханства – вакаинювисов. К числу вакаинювисов Крымского ханства относятся средневековые крымскотатарские историки Монла Кырыми (перв. пол. XV в.), Реммаль Ходжа (перв. пол. XVI в.), Абдулла Паша-заде бин Ридван Челеби (перв. пол. XVII в.), Кырымлы Хаджи Мехмед Сенаи (сер. XVII в.), Тохта бай (сер. XVII в.), Дервиш Мехмед бин Мубарек Гирей Чингизи (кон. XVII в.), Кефели Ибрахим Эфенди (перв. пол. XVIII в.), Сейид Мухаммед Риза (перв. пол. XVIII в.), Абдулгахфар Кырыми (перв. пол. XVIII в.), Саид Гирей-султан (сер. XVIII в.), Хурреми Челеби Акай-эфенди (сер. XVIII в.), Халим Гирей-султан (кон. XVIII в. – нач. XIX в.). Основы крымскотатарской исторической науки были заложены ими в ходе процесса развития общественной и научной мысли в крымскотатарском государстве Крымское ханство, представленном на карте мира с пер. пол. XV в. до кон. XVIII в. Хроники Крымского ханства, являющиеся письменным изложением истории событий общественной, экономической, военной, политической, дипломатической и культурной жизни средневекового крымскотатарского государства, изучаются специалистами как письменные источники событий общемировой средневековой истории. Уровень историзма событий и фактологического материала хроник крымских историков-вакаинювисов, позволяет рассматривать крымскотатарскую историческую литературу как неотъемлемую составную часть мировой исторической науки, в которых повествуется о событиях правления крымских ханов, походов крымскотатарских войск, побед крымскотатарского оружия, деятельности ханских дипломатов, обустройства городов и селений ханства, деяний крымскотатарских аристократов и членов двора Гиреев, и других событиях, оставивших след в крымской и мировой истории. Стиль написания вакаинювисами исторических трудов и изложения в них важных для истории крымскотатарского народа и Крыма событий и фактов находился под лексикографическим и методологическим влиянием османских и персидских историографов, изобиловал исламскими религиозными мотивами и татаро-османско-персидской поэтикой.

Хроники-таварихи крымскотатарских и османских авторов, а также сообщения европейских дипломатов и путешественников, являются цен-

нейшими источниками истории культуры и искусства крымскотатарского народа, в которых отображалась летопись роли крымскотатарского архитектурного и декоративно-прикладного искусства, а также художественных промыслов при строительстве крымскими татарами своих селений и городов, возведении и отделке дворцов, храмов, мавзолеев, приютов, лечебниц, крепостей, мостов, акведуков, постоянных дворов, крытых рынков, бань, водоводов, фонтанов, колодцев, при обустройстве которых были задействованы архитекторы (мимарлар), мастера эснафов художественной росписи (наккашлар), художественной обработки металлов и камня (демирджилер, ташчылар, таш оймаджилары), краснодеревщики (дюльгерлер, марангозлар).

Возрастающие масштабы зодчества ханов и аристократии Крымского ханства и потребности населения страны в возведении общественных и частных построек требовали высокой профессиональной подготовки мастеров художественных промыслов и декоративного искусства, задействованных в отделке строительных объектов.

Значительное влияние на процесс формирования и развития художественной культуры и декоративного искусства татар Крыма на начальном этапе оказали ремесленники вначале генуэзской Кафы, а затем османского Кефе, также, как и эснафы Крымского ханства объединявшиеся по цеховому признаку, они были заняты обслуживанием морской торговли – корабельные плотники, кузнецы, мастера парусного дела, также в этом портовом городе действовали цеха бронзолитейщиков, ювелиров, кожевенников, резчиков по кости, дереву и камню, строителей, каменотесов, гончаров, производивших красноглиняную, покрытую стекловидной свинцовой глазурью желтого и зеленого цветов с врезным растительным или геометрическим орнаментом или монограммой столовую посуду. На гербе и монетах Кафы «аспр» присутствовала тамга татарских правителей. Украшения, платья, головные уборы из Кафы пользовались спросом у татарской знати и правителей Крыма. В Кафе и г. Кырыме работали скриптории (мастерские) художников миниатюристов, образуя школу миниатюрной живописи татарского Крыма. В называвшихся по наименованиям ремесел кварталах размещались лавки и мастера, в том числе из Лигурии, специализацией которой являлось производство тканей и шелка, лучший бархат и черный велюр производили только генуэзцы. Лигурискими художественными ремеслами считалось производство изделий из дамасской стали, кожи, керамики, стекла, украшений, резьба по слоновой кости и камню, а также скульптурное искусство. О роли татар и татарского языка в жизни Кафы и значительном их числе в городе, составлявшем население одного из четырех бургов Кафы [14, с. 312], благодаря которым можно допустить, что мастерами-ремесленниками этого города могли быть также и татары, гово-

рится в воспоминаниях Ханса Шильтбергера, принявшего ислам, знавшего татарский язык и в 1425 г. пять месяцев прожившего в этом городе [14, с. 313].

В 1446 г. Хаджи Гирей I уже пребывает в своей новой резиденции в Кырк-Йере, куда он перенес крымскотатарскую столицу из г. Кырыма, и где был построен ханский дворец, в котором к 1453 г. Хаджи Гирей I жил «не как подобает хану татар [в шатре], а подобно латинскому купцу», в хорошо укращенном [13, с. 91–92] и оборудованном смываемым клозетом, купальницей и полом с паровым подогревом. В Кафе permanentно гостили практически все члены двора и семьи крымского хана, а чаще остальных второе лицо крымскотатарского государства, назначаемый крымским ханом из клана ширин – верховный карачи-бей. Эту должность нечингизидского управителя страны генуэзцы называли капитаном кампаны [13, с. 84]. Через порт Кафы осуществлялся дипломатический обмен Крымского ханства с Османской империей: «В начале лета 1455 г. через Кафу в Солхат к Хаджи Гирею I проследовал посол турецкого султана Ахмат (Acmat) [13, с. 125]. Возможно, султан Мехмед II уже тогда поднимал перед Хаджи Гиреем I вопрос о союзе Османской империи и Крымского ханства в преддверии своего завоевания в 1461 г. византийского Трапезунда. В Кафе 12 февраля 1456 г. двум нунциям хана вручаются одежды (rauba) [13, с. 136–137], названия которых вошли в крымскотатарский язык, как италлизм «урба» (одежда), а 23 апреля того же года жене Темир-ходжи за ворота Антибургов грузчики транспортируют мешки или тюки [13, с. 142]. Это было одним из проявлений проникновения в быт, стиль и ремесленное производство эснафов татар Крыма тканей, аксессуаров и стилей мужского и женского костюма генуэзской Кафы. Положение являвшейся форпостом западного культурного мира на территории татарских земель Кафы, делало неминуемым ее тесные контакты с татарами и ханской администрацией, что способствовало взаимопроникновению итальянской и татарской культуры, а также торгово-экономической интеграции татарского Крыма и Причерноморья со Средиземноморско-Черноморским миром [17, с. 355]. Через Кафу прибыл и создавал свои архитектурные и скульптурно-художественные творения в Крымском ханстве и Московском княжестве Алевиз Новый, звучавшим по-крымскотатарски Эльвиз, именем которого крымские татары до сих пор называют своих сыновей.

Храмы и стены башен крепостей Кафы, Сугдака и других городов Крыма украшались резьбой по камню местными и приглашенными мастерами. Итальянские и армянские мастера по заказу крымских ханов и крупных татарских феодалов возводили и украшали культовые, общественные и дворцовые постройки крымских татар. Культурный потенциал Кафы в качестве ретранслятора западноевропейской культуры на территорию

Крымского полуострова и канала воздействия на культуру государства крымских татар был велик и оказал значительное влияние на процесс проникновения в художественную культуру и искусство крымских татар итальянских черт. После завоевания в 1475 г. Кафы и Южного берега Крыма турками-османами и прекращения деятельности генуэзских факторий не все генуэзцы были вывезены в Стамбул, некоторая их часть бежала на территорию Крымского ханства [11, с. 12]. Захария де Гризольфи вместе со своими людьми поселился в пограничье пост-золотоордынской художественной культуры татар Крыма и пост-византийской художественной культуры горной крымской народности татов в Сююрташе [33, с. 162–163]. Европейские историки в 1770-е гг. отмечали, что среди жителей Сююрташа «еще находятся потомки различных генуэзских родов, как Дория, Гриимальди, Спинола и т. д. которым здесь после завоевания османами Кафы были предоставлены татарами места поселения с большими привилегиями» [31, с. 36].

Художественная культура и декоративное искусство татар Крыма продолжали развиваться в русле древних, заложенных в бытность обитания их предков на просторах евразийских степей канонов художественной культуры кочевых тюркских народов, в которую успела глубоко проникнуть малоазайско-сельджукская форма художественной культуры и декоративного искусства ислама, наслоились стили художественных традиций генуэзцев и поселенных ханами среди крымских татар сарайских и киликийских армян. Основными центрами формирования художественной культуры составивших на тот момент этническое ядро татарской народности Крыма степных и предгорных крымских татар, являлись города Кырым, Карасубазар, Акмесджит, Гозлев и Ор. До начала этнического и культурного единения степных и предгорных крымских татар с горными и южнобережными крымскими татарами, предки которых на тот момент составляли так называемую крымскую горную народность татов, и, соответственно, до объединения в единый традиционный крымский стиль художественной культуры степных и предгорных крымских татар с художественной культурой выделившихся из состава крымской горной народности татов, наряду с греко-татарами – урумами, горных и южнобережных крымских татар, оставалось три века. Процесс формирования и развития художественной культуры татского населения Юго-Западного и Южнобережного Крыма, находившейся в то время под влиянием греко-христианской культуры Византии и Трапезунда, протекал параллельно с аналогичным процессом в среде степных и предгорных крымских татар. С переносом столицы крымских татар ханом Хаджи Гиреем I из Солхат-Кырыма в Кырк-Йер, ханом Менгли Гиреем I из Кырк-Йера в Эски-Салачик и ханом Сахиб-Гиреем I из Эски-Салачика в Бахчисарай, граничившие друг с другом ареа-

лы распространения художественной культуры этих этносов стали тесно соприкасаться, что привело к началу процесса сближения и взаимопроникновения художественных культур этих до этого развивавшихся независимо друг от друга крымских этносов.

С началом процесса складывания крымскотатарской художественной культуры и декоративного искусства совпало образование армянской диаспоры («спюрк») Крыма, основу которой составили билингвичные армяно-татароязычные армяне из золотоордынского города Сарай-Бату (Аксарай в армянских источниках – И.З.), где выросли поколения армянских переселенцев из г. Ани, усвоивших традиции и межнациональный кыпчакский язык Золотой Орды. В нач. 1330-х гг. они переселились на территорию ее Крымского улуса [24, с. 16, 17], в котором татары развернули беспрецедентное по своим масштабам строительство городов, сел, культовых и общественных зданий, потребовавшее множество строителей, каменотесов, каменщиков, резчиков по камню и дереву, каковыми издревле являлись армянские мастера. Условия для проживания и деятельности, предоставленные татарскими правителями Крыма сарайским армянам, вызвали после захвата мамлюками в 1375 г. столицы Киликийской Армении г. Сис переселение в Крым киликийских армян. Миграция армян из османских городов Эрзурум, Сivas, Байбурт, Токат в Крымское ханство продолжалась до сер. XVIII в.

В нач. XIV в. в г. Кырым из Баберда (Байбурт) со своими сыновьями переселился каллиграф-миниатюрист Натер. Самое раннее крымское произведение Натера датируется 1342 г. [29, с. 50; 20, с. 144]. Натер и каллиграфы мусульманских высших заведений и правителей г. Кырыма заложили основы местной, крымской школы каллиграфии и художественной миниатюры. В технике написания золотом великолепных тугр и нишанов на битиках и ярлыках первых крымских ханов можно увидеть влияние ее художественного стиля. Хорошо знавшие язык и традиции татар, также, как и крымские иудеи, восточные люди армяне были для татар Крыма ближе греков и генуэзцев. Им, как и иудеям, которым крымские татары доверяли чеканить и считать свои деньги, они поручали вести в своем государстве торговые и строительные дела, открывать производства декоративного гончарства, камне- и деревообработки, швейные и ювелирные мастерские. Армянское искусство восточной орнаментики XIV–XV вв. и секреты ремесленного мастерства обогатили и разнообразили крымскотатарское декоративно-прикладное искусство. Перед выселением в 1778 г. 12 тыс. носителей традиционной крымской культуры крымских армян компактно проживало среди татарского большинства в городах Бахчисарае, Карасубазаре, Гозлеве, Акмечети, Эски-Кырыме, Орбазаре, Кефе и селах Топлу, Мелик, Камышлы, Сала, Чурук-Су, Султан-Сала, Орталан, Сарыабуз, Тап-

чак [7, с. 3]. Взаимопроникновению их культур способствовали добрососедское отношение и, в отличие, от религиозной замкнутости иудеев, открытость и доброжелательность крымских армян по отношению к государствообразующему этносу крымской страны.

В 1464 г. в г. Кырыме Хаджи Гирей I похоронил своего отца Гийас-ад-Дина [16, с. 133]. Последующие представители династии Гиреев погребались у крепости Кырк-Йер [17, с. 368–369], взятой татаро-монголами Шибана в 1238 г. и вплоть до обоснования в ней Тукатимуридов, являвшейся подчиненным татарам ас-аланским поселением центра Кырк-Йерского улуса Золотой орды. Менгли Гирей I (род. ок. 1446 г.), был сыном Хаджи Гирея I и аланской княжны: «...моей матери царицын отец Индиаву князь». Крымскотатарско-аланский союз был скреплен междинастическим браком до рождения Менгли Гирея I в нач. 1440-х гг. [17, с. 370]. Абуль-Фида в 1321 г. сообщал: «Керкер или Керкри... находится на краю седьмого климата в стране Асов, ...это укрепленный замок <...>, где жители... принадлежат к племени асов ... Керкер находится на Север от Сары-Кермена (Херсона – И.З.)» [19, с. 101, 121.]. В 1238–1239 гг. правители асов со своими воинами влились в войско их победителей [21, с. 334, 335]. Рубрук, в 1253 г. встретивший в Крыму алан-асов, описал их, как: «...имевших греческие письмена и греческих священников» [28, с. 83].

Ярлыки населению Кырк-Йера Хаджи Гирея I от 1459 г., Нур-Девлет Гирея I от 1467 г. и Менгли Гирея I от 1478 г. свидетельствуют о том, что в городе проживали мусульмане, христиане и иудеи [3, с. 269], а на плато, рядом с мечетью, Хаджи Гирей I основал медресе [4, с. 185]. Здесь находился монетный двор и казна Гиреев. В 1500 г., у подножия Кырк-Йера, в mestechke Эски Салачик, рядом с ханским дворцом Девлетсарай, Менгли Гирей I возвел новое главное высшее учебное заведение Крыма Зынджырлы медресе. В 1540-е гг. Кырк-Йер продолжал именоваться престольным городом Крымского ханства. Хронист в это время активно строившего Бахчисарай хана Сахиб Гирея I, Нидай Реммал-ходжа, в колофоне написанной им в Кырк-Йере в 1543 г. суфийской поэмы «Гендж-и Эсрар-имани» называл его тахтгях – столица [17, с. 372]. Почти на девяносто лет Кырк-Йер стал местом средоточия дворцовой художественной культуры и искусства крымских татар, а центр крымскотатарской культурной жизни, художественного творчества и декоративно-прикладного искусства переместился в горное приграничье поствизантийской культуры Татского иля. Тахтгях Кырк-Йер украсили шедевры ранней крымскотатарской архитектуры – дюрбе дочери Тохтамыш хана Джанике, мечеть Кырк-Йера, дворец Девлет-сарай, Зынджырлы медресе, ханский банный комплекс, мечеть и памятник ландшафтной архитектуры Ашлама-сарай в Эски Салачике. По берегам р. Ашлама крымскотатарскими эснафами кожевенников «къылд-

жилар», производивших известный далеко за пределами Крымского ханства разноцветный сафьян (сахтиян), были обустроены цеха по дублению, выделке и крашению кож. Организация новых ремесленно-художественных производств, передислокация ремесленно-производственных центров крымскотатарских художественных промыслов и декоративного искусства из Кырыма, Карасубазара и других крымских городов и поселений в расположенный в Юго-Западном Крыму новый главный административный и культурно-политический центр Крымского ханства способствовали экономическому и культурному развитию этого региона. Эпицентр производственной и творческой активности мастеров эснафов крымскотатарских художественных промыслов и декоративно-прикладного искусства сместился в округу Кырк-Йера и заложенного рядом с ним Бахчисарайя. Карабузбазар вплоть до 1920-х гг. оставался вторым по величине и производственной мощи в области развития традиционных крымскотатарских художественных промыслов и декоративно-прикладного искусства городом. Продолжение массового ремесленного производства и творчества мастеров декоративно-прикладного гончарства в городе Эски Кырым в 1666 г. наблюдал Эвлия Челеби [34, с. 160].

За год до посещения в Кырк-Йере крымского хана Хаджи Гирея I послом турецкого султана Мехмеда II, летом 1454 г. османский флот из 56 кораблей, под командованием Демир-Кяхья реиса, на обратном пути после военных действий на кавказском побережье, встал на рейде в Керченском проливе напротив генуэзской фактории Воспоро (Керчь). Там произошла встреча адмирала с гонцом крымского хана Хаджи Гирея I. По сведениям генуэзцев, между ханом и адмиралом был заключен договор о совместных действиях, и 11 июля 1454 г. османский флот вошел в Кафинский залив и осадил город. Турки не предпринимали активных военных действий, и осада имела скорее всего характер военной демонстрации [15, с. 82]. В 1475 г. Кафу, Мангуп и всю территорию Южного берега Крыма османы присоединили к своей империи, и Черное море стало внутренним турецким морем, что на три столетия предопределило судьбу Северного Причерноморья и оказало значительное влияние на судьбу Крымского ханства и развитие культуры его населения.

Теоретически точечное проникновение ислама на территорию Южного Крыма могло произойти в ходе двухсотлетнего военного превосходства на полуострове печенегов, о принятии которыми мусульманства в X в. писали академики С.П. Толстов [8, с. 249] и М.И. Артамонов [9, с. 567]. К нач. XI в. относится сообщение андалузца ал-Бакри: «...После 400-го года хиджры (1009/10 г.) случился у печенегов пленный из мусульман, который и объяснил ислам некоторым из них, вследствие чего те и приняли его. И все они теперь мусульмане» [11, с. 58–60]. В булгарской летописи Гази-Ба-

раджа (1229–1246) отмечено, что в 80-е гг. Х в. князь Булымер (Владимир) разрешил булгарским миссионерам проповедование мусульманства в подвластных ему землях: «...биеv сакланских баджанаков» [13, с. 103–104]. Около 1150 г. Абу Хамид ал-Гарнати наблюдал в Киеве: «тысячи «магрибинцев» (мусульман – И.З.) по виду тюрков, говорящих на тюркском языке и стрелы мечущих, как тюрки. Известны они в этой стране под именем беджанак» [15, с. 11, 37]. Исламизация Татского или продолжилась в результате высадки на побережье Херсона и Сугдака турок-сельджуков в 1223 или 1226 г. под командованием Хюсаметтина Чобана. Исламизация части населения приграничных с Кырк-Йерским улусом горных селений татов могла произойти в золотоордынский период. Но планомерный и последовательный процесс проникновения мусульманства в поселения татов территории генуэзской юрисдикции и бывшего княжества Феодоро начался в результате вхождения Южного Крыма в состав Османской империи и разделения на судебно-административные округа Лива и-Кефе – кадылыки Кефе, Мангуп, Сугдак, Керчь, с крепостью Тат и Балаклавой. Османское завоевание Кафы не было разрушительным нашествием, сопровождавшимся поголовной резней и массовой убылью населения. Генуэзская знать была увезена в Стамбул, оставлены простые горожане и 10 тыс. пехоты во главе с «каким-то греком из Трапезунда» [25, с. 1–2]. В 1520 г. в Кефе существовал *джемаат румиян Трабзониян* (община трабзонских румеев) в 320 чел. [37, с. 229]. Численность населения не уменьшилась, а в крепостях появились османские гарнизоны [17, с. 381]. В 1520 г. в Кефе проживало армянского вероисповедания 7358 чел. [37, с. 207], греко-православных 2756 чел. [37, с. 224], евреев-караимов 442 чел., черкесов-караимов 59 чел., евреев 55 чел., русских 171 чел., всего немусульманского населения числилось 10481 чел. [37, с. 227] и мусульман 5644 чел., всего – 16296 чел. [37, с. 207]. До османов один из четырех антибургов Кефе был населен татарами-мусульманами, но точное их число неизвестно.

Численность мусульман (муслим) и немусульман (гъайрымуслим), указанная в рассматриваемом ниже перечне населенных пунктов татов Лива и-Кефе чиновниками османов, позволяет проследить динамику сокращения в них численности христиан и роста численности мусульман при сохранении прежней общей численности населения. Переход христиан в мусульманство в указываемых поселениях татов происходил по нарастающей в результате проведения османской администрацией продуманной миссионерско-ассимиляторской политики, опробованной среди населения ранее завоеванных ими Малой Азии и Балкан, где местное население, также, как и в Крыму, в основной своей массе исповедовала греческое православие.

В 1520 г. в районах Кефе проживало мусульман: Френк Хисары (Ич кале – Внутренняя крепость) – 1384 чел.; Бирюн (Диш кале – Внешняя крепость) – 2927 чел.; Кала – и Хакы (Варош – Пригород) – 1333 чел. Всего: – 5644 чел. [37, с. 209]. Привлекает внимание название одной из мечетей пригорода Кефе – Кала – и Хакы, именовавшейся Месджид-и Дагъашьян [37, с. 212], то есть мечеть Дагъашьяна. Возможно, что эта мечеть была построена на средства поселившегося в этом районе города, принявшего ислам состоятельного армянина. Там же в пригороде находились мечети Месджид-и Ширвани, Месджид Джанджян и Месджид-и Хасан Рубъян [37, с. 207]. Что указывает на постоянные экономические связи Кефе с Закавказьем. Фамилии Дагъашьян, Джанджян, Рубъян могли принадлежать на тот момент людям как персидского, так и армянского происхождения.

В 1542 г. в основных районах города Кефе проживало мусульман: Френк Хисары (Ич кале – Внутренняя крепость) – 1188 чел.; Бирюн (Диш кале – Внешняя крепость) – 4525 чел.; Кала-и Хакы (Варош – Пригород) – 1706.

Всего: – 7419 [37, с. 216]. За 22 г. число мусульманского населения города с 5644 чел. в 1520 г. выросло до 7419 чел. в 1542 г., то есть на 1775 ч. или 31%

В 1520 г. немусульманское (гъайры муслим) население Кефе состояло из:

Эрмени (армянского вероисповедания) – 7358 чел. – 68%; Рум (греческого вероисповедания) – 2756 чел. – 25%; Йахудийан-и Эфренч (европейские иудеи) – 55 чел.; Карай (иудеи караимы) – 442 чел. – 4%; Черкес (Карай) – Черкесы караимисты – 59 чел. – 1%; Рус (русские) – 171 чел. – 2% Всего немусульман: – 10841 чел. [37, с. 227]. Численное превосходство среди иудеев принадлежало евреям-караимам. Черкесы в Кефе исповедовали иудаизм караимского толка.

Примечательны тюркские и мусульманские названия армянских и греко-православных кварталов: Искендер – 505 армян и 77 греко-православных, всего – 582 чел.; Таштабан – 268 армян и 69 греко-православных, всего – 337 чел.; Гюрджю – всего 465 армян; Байти – всего 386 армян; Энес Бей – 702 армян и 168 греко-православных, всего – 870 чел.; Али Юзбаш – всего 287 греко-православных; Саджлу – всего 618 армян; Джемаат-и Трабзонийан – всего 320 греко-православных [37, с. 228, 229]. Приход Джемаат-и Трабзонийан был образован после установления в Кафе власти османов в 1523 г. из сосланных турками в Кефе румейского населения Трабзона [35, с. 90].

В 1542 г. состав этноконфессиональных групп не мусульман – гъайры муслим Кефе не армянского и не греко-православного происхождения состоял из следующих общин: Джемаат-и Йахудийан-и Эфренч – 46 ч. – 7%;

Джемаат-и Йахудийан-и Карай – 494 чел. – 70%; Джемаат Черкесан (Йахуди-и Карай) – в Отузлар – 15 чел. – 2%; Джемаат-и Русян – 148 чел. – 21% Всего: – 703 чел. – 100% [37, с. 230]. За 22 г. уменьшилась численность европейских евреев, черкесов-иудаистов караимского толка и русских. Выросла численность евреев-караимов. Черкесы-караимы проживали в Отузлар (н. Щебетовка) в 20 км от Кефе.

Общий состав этнических групп не мусульман Кефе в 1542 г.: Эрмени – 5778 чел. – 65%; Рум – 2396 чел. – 27%; Йахудийан-и Эфренч – 46 чел.; Йахудийан-и Карай – 494 чел. – 6%; Черкесан (Йахуди-и Карай) – 15 чел.; Русян – 148 чел. – 2% Всего: – 8877 чел. – 100% [37, с. 231]. За 22 г. численность немусульман Кефе уменьшилась с 10114 чел. в 1520 г. до 8174 чел. в 1542 г., что составило 19%. Численность армян сократилась с 7358 чел. в 1520 г. до 5778 чел. в 19542 г., т. е. на 21%. Численность греко-православных жителей города с 2756 чел. в 1520 г. сократилась до 2396 чел. в 1542 г., т. е. на 13%. К 1542 г. исчез третий по численности греко-православно-армянский квартал Кефе приход Йорги Балыкчи, а вместо него добавился приход Джемаат-и Трабзонийан [37, с. 229]. Убыль в течении 22 лет христианского населения и роста численности мусульман в городе, предположительно, за счет его перехода в ислам, составила:

Муслюман:	1520 г. – 5644 чел. – 34%	1542 г. – 7419 чел. – 46%
Эрмени:	1520 г. – 7358 чел. – 45%	1542 г. – 5778 чел. – 35%
Рум:	1520 г. – 2756 чел. – 17%	1542 г. – 2396 чел. – 15%
Дигер:	1520 г. – 727 чел. – 4%	1542 г. – 703 чел. – 4%
Всего:	1520 г. – 16485 чел. – 100%	1542 г. – 16296 чел. – 100% [37, с. 232].

Кефе стал основным центром осуществления османами тюркизации и исламизации Южного Крыма. В 1520 г. на государственной службе у османов в Крыму находилось 3 высокопрофессиональных каллиграфа *хадда-да* [37, с. 170].

Следующим образом в цифрах протекал процесс исламизации христианского населения в бывшем до 1475 г. столицей княжества Феодоро, а также главным экономическим и культурным центром горной крымской народности татов (гото-алан) административном центре Манкубского ка-дышлыка Кефинского пашалыка *шехире* Манкуб в 1520–1542 гг.:

Махале Джамии Шериф:	1520 г. – 77 чел.	1542 г. – 90 чел.
Махале Месджид-и Кады:	1520 г. – 70 чел.	1542 г. – 50 чел.
Махале Месджид-и Ходжа Сейди:	1520 г. – 41 чел..	1542 г. – 40 чел.
Всего:	1520 г. – 188 чел.	1542 г. – 180 чел.

К 1542 г. наметилась тенденция укрупнения центрального из трех мусульманских кварталов Махале Джамии Шериф. За 22 г. число мусульманского населения уменьшилось на 4% [37, с. 236]. В Манкубе в 1520 и

1542 гг. насчитывалось 8 кварталов немусульманского населения – 6 греко-православных, 1 иудейский и 1 армянский:

Махале Папа Тодор:	1520 г. – 90 чел.	1542 г. – -- чел.
Махале Папа Йорги:	1520 г. – 91 чел.	1542 г. – -- чел.
Махале Папа Христодор:	1520 г. – 61 чел.	1542 г. – -- чел.
Махале Папа Йорги:	1520 г. – 99 чел.	1542 г. – -- чел.
Махале Папа Васил:	1520 г. – 72 чел.	1542 г. – -- чел.
Махале Папа Тодор:	1520 г. – 39 чел.	1542 г. – -- чел.
Всего Рум:	1520 г. – 460 чел.	1542 г. – 143 чел.
Махале-и Эрменийан:	1520 г. – 35 чел.	1542 г. – 5 чел.
Махале-и Йахудийан:	1520 г. – 252 чел.	1542 г. – 178 чел.
Всего 8 махале:	1520 г. – 747 чел.	
		1542 г. – 321 чел. [37, с. 237].

В переписи 1542 г. все греко-православное население Манкуба, вероятно, в связи с резким сокращением его количества, сведено в одно махале. В 1520 г. немусульманское население Манкуба насчитывало 747 чел.: Румлар (греко-православные) – 460 чел.. – 62%, Эрменилер (армяне) – 35 чел. – 5% и Йахудилер (евреи) – 252 чел. – 33% от их общего числа. В 1542 г. – 321 чел.: Румлар (греко-православные) – 143 чел., Эрменилер (армяне) – 5 чел. и Йахудилер (евреи) – 178 чел., что указывает сокращение, возможно с его переходом в ислам на 57% немусульманского населения города по сравнению с 1520 г.

В 1520 г. мусульмане составляли 20%, немусульмане – гъайры муслим – 80% общего числа населения, а в 1542 г. соответственно 36% и 64% По всей видимости, греко-православное население крепости на тот момент составляли таты бывшего княжества Феодоро. Часть армян также могла проживать здесь со времен трапезундских Гаврасов, а состоявшая в основном из мастеровых людей община евреев-караимов переселилась сюда из Константинополя при османах. Основу мусульманской общины составляли османские военные гарнизона крепости Манкуб. Письменные данные о массовом притоке мусульманского населения из Османской империи и Крымского ханства вглубь Крымских гор в этот период отсутствуют и рост численности мусульман Манкуба и селений его кадылыка можно связать с переходом в ислам местных христиан.

В податных книгах (*tahrir sicilleri*) османской администрации Кефинского пашалыка 1520 г. впервые письменно упоминаются названия основанных предками южнобережных и горных крымских татар, потомками тавро-скифов, сармато-алано-готов, гунно-турко-булгар и византийцев – крымской горной народностью татов, поселений на бывшей территории княжества Феодоро и генуэзских факторий. В округу кадылыка Манкуб входило 13 сел с немусульманским (гъайры муслим) и мусульманским (муслим) населением:

Сули – Шули:	муслим – 20 чел., гъайры муслим – 97 чел., всего – 117
чел.	
Албаты ма'а	
Аяйтудор:	муслим – -- чел., гъайры муслим – 79 чел., всего – 79 чел.
Атым Чокрагъы –	
Адым Чокъракъ:	муслим – 6 чел., гъайры муслим – 23 чел., всего – 29 чел.
Кирманджук –	
Керменчик:	муслим – -- чел., гъайры муслим – 40 чел., всего – 40 чел.
Йенисала –	
Янъысала:	муслим – -- чел., гъайры муслим – -- чел., всего – -- чел.
Атий:	муслим – -- чел., гъайры муслим – -- чел., всего – -- чел.
Мускомай-и Кючюк –	
Кучук Мускомъя:	муслим – 6 чел., гъайры муслим – 195 чел., всего – 201
чел.	
Байдар:	муслим – -- чел., гъайры муслим – 89 чел., всего – 89 чел.
Севатике –	
Саватка:	муслим – -- чел., гъайры муслим – 82 чел., всего – 82 чел.
Кылынды –	
Календа:	муслим – -- чел., гъайры муслим – 73 чел., всего – 73 чел.
Хаспетри –	
Коккоз:	муслим – -- чел., гъайры муслим – 165 чел., всего – 165
чел.	
Нехора нам-и дигер –	
Кадылы:	муслим – 84 чел., гъайры муслим – 198 чел., всего – 282
чел.	
Всего сел 13:	муслим – 116 чел., гъайры муслим – 1041 чел., всего – 1157 чел. [37, s. 239].

В таблице среди населения ряда селений Манкуба не указаны мусульмане. Юджель Озтурк указал, что они, проживая в этих же селах, числились в списках «Велайет и Хан» среди поданных Крымского ханства. Например, мусульмане, проживавшие в 1520 г. в Керменчике, являлись поданными крымского хана (*Kıgit tevabiinde*) и по этой причине не учитывались османской администрацией в османских податных ведомостях, а немусульмане, жившие в селе, считались поданными османского султана (*Osmanlı tevabiinde*), то есть османы, не вмешиваясь в положение мусульман татар поданных крымских ханов, немусульманское население кадылыка объявили своими поданными (*Osmanlı Tatar nüfusuna karışmazken gayr-i Müslimleri kendi tevabiine almıştır*) [37, s. 239]. Это может косвенно указывать на то, что в данном регионе, еще до прихода османов в небольших количествах, возможно с золотоордынского времени, проживало тюрко-татаро-язычное мусульманское население поданных крымских ханов, и что вероятно, с того времени начало формироваться соседствовавшее с татарами татаро-мусульманское население в горах Юго-Западного Крыма. Возможно, что

именно по причине проживания в селах Йенисала и Атйо лишь мусульман – подданных крымского хана, в османских налоговых ведомостях в этих селах в 1542 г. вообще не указано никакого населения. На 1520 г. население 13 сел Манкубского кадылыка составляло 1157 чел. – немусульман – 1041 чел. и мусульман – 116 чел., которые совместно проживали в Сули, Атым Чокрагы, Мускомья-и Кючюк и Нехора. Самыми большими считались – Нехора – 282 чел., Мускомья-и Кючюк – 201 чел., Хаспетри – 165 чел. и Сули – 117 чел. Самым маленьким Атым Чокрагы – 23 чел.

В 1542 г. число селений кадылыка Манкуб за счет передачи селений округи Инкирмана увеличилось до 24:

Албаты ма'а	
Айятудор:	муслим – 30 чел., гъайры муслим – 75 чел., всего – 75 чел.
Атым Чокрагы –	
Адым Чокъракъ:	муслим – -- чел., гъайры муслим – 5 чел., всего – 5 чел.
Кирманджук –	
Керменчик:	муслим – -- чел., гъайры муслим – 15 чел., всего – 15 чел.
Мускомай-и кючюк –	
Кучук Мускомья:	муслим – 15 чел., гъайры муслим – 192 чел., всего – 207 чел.
Байдар:	муслим – -- чел., гъайры муслим – 126 чел., всего – 126 чел.
Севатике –	
Саватка:	муслим – -- чел., гъайры муслим – 73 чел., всего – 73 чел.
Кылынды -	
Календа :	муслим – -- чел., гъайры муслим – 64 чел., всего – 64 чел.
Хаспетри -	
Коккоз:	муслим – -- чел., гъайры муслим – 133 чел., всего – 133 чел.
Нехора нам-и дигер –	
Кадылы:	муслим – 416 чел., гъайры муслим – 148 чел., всего – 564 чел.
Куру [кулет]:	муслим – 40 чел., гъайры муслим – 87 чел., всего – 127 чел.
Сюрен:	муслим – -- чел., гъайры муслим – 243 чел., всего – 243 чел.
Они:	муслим – 5 чел., гъайры муслим – 27 чел., всего – 32 чел.
Маркур:	муслим – 20 чел., гъайры муслим – 70 чел., всего – 90 чел.
Йанджу:	муслим – 18 чел., гъайры муслим – 15 чел., всего – 33 чел..
Коклус:	муслим – -- чел., гъайры муслим – 60 чел., всего – 60 чел.
Бычкан нам-и дигер –	
Чольмекчи:	муслим – 15 чел., гъайры муслим – 96 чел., всего – 111 чел.

Камра –	
Камара:	муслим – 23 чел., гъайры муслим – 161 чел., всего – 184
чел.	
Хайто:	муслим – -- чел., гъайры муслим – 272 чел., всего – 272
чел.	
Таш искеle:	муслим – 7 чел., гъайры муслим – 101 чел., всего – 108
чел.	
Алубка:	муслим – 16 чел., гъайры муслим – 155 чел., всего – 171
чел..	
Мисхор:	муслим – 27 чел., гъайры муслим – 270 чел., всего – 297
чел.	
Карвис маа	
Сахнек –	
Сахтик:	муслим – 45 чел., гъайры муслим – 223 чел., всего – 268
чел.	
Кырану –	
Карань:	муслим – 40 чел., гъайры муслим – 95 чел., всего – 135
чел.	
Лампад-и Бузурк ве –	
Кючюк:	муслим – 15 чел., гъайры муслим – 362 чел., всего – 377
чел.	
Всего сел 24:	муслим – 732 чел., гъайры муслим – 3038 чел., всего – 3770 чел. [37, s. 241].

Написание османами второго название селения Бычкан (Пычки), не по турецки *Чомлекчи*, а по-крымскотатарски *Чольмекчи* («гончар»), возможно, указывает на существование в нем крупного центра керамического искусства крымских ханов.

Политическая практика свидетельствовала в пользу подчиненности ханов Крыма османским падишахам, тогда как с точки зрения исламской теории государственной власти крымские ханы оставались независимыми и суверенными монархами [17, с. 383]. Особый статус и роль в европейской политике татарского Крыма как гаранта европейского равновесия в XVI–XVIII вв. отмечают В.Д. Смирнов и Д. Колодзейчик, обратившие внимание на то, что тексты Крымского ханства весьма близки современным политическим идеям о европейском равновесии [18, с. 83–89]. Политико-географический горизонт крымских политиков того времени включал такие европейские государства, как Венеция, Австрия, Дания, и Швеция [1, с. 84–85], Россию, Польшу, Францию и Пруссию. Крымские ханы обладали всеми атрибутами независимости, принятые в средневековом исламском государственном устройстве: право хутбы (упоминания в пятничной проповеди) и право чеканки монеты с собственным именем (сикке) [17, с. 387], боеспособной и мобильной армией. Основополагающую систему боеспособности крымскотатарского войска и опору ханской власти в мо-

мент образования крымскотатарского государства составили крупные татарские родовые военно-феодальные кланы Золотой Орды: Ширины, Барыны, Аргыны, Кипчаки, Сиджеуты, Кунграты, Кыяты, Даиры. Осев в Крыму, они выступили этническим ядром степных и предгорных крымских татар, вобравшим населявшие крымские равнины и предгорья к их приходу на полуостров потомков тюрко-булгар, печенегов и куманов-половцев-кипчаков полуострова. В этнос степных крымских татар после образования Крымского ханства влились многочисленные родовые объединения Большой и Малой Ногайской Орды. Представители четырех ведущих татарских кланов занимали должности так называемых карачи-беев, столпов государства [36, 445]. В 1480-е гг. к ним присоединился многочисленный ногайский клан Мангыт (мансуры). Влияние крымской клановой аристократии на ханов осуществлялось и закреплялось посредством брачной политики. Крымские ханы и принцы – их сыновья, были связаны с родовой аристократией Крыма крепкими брачными и кровными узами. Именно браки ханов и султанов-принцев, которые впоследствии становились ханами с представительницами татарской клановой аристократии, явились основой династии Гиреев, крепко соединив их с Ширинами, Мангытами, Кунгратами, Сиджеутами, Аргынами и др. Таким образом Гиреи были не только Чингизидами, но потомками и кровными родственниками золотоордынских, крымских и ногайских кланов [38, р. 342–353].

Начиная с правления Менгли Гирея I основные производства и цеха художественных промыслов мастеров эснафов Крымского ханства стали базироваться в окрестностях тогдашней столицы Крымского ханства Кырк-Йера и у перенявшего у него столичный статус Бахчисарай по линии протекания р. Чурук-Су от Эски-Салачика до Эски-Юрта, а в цеховое производство мастеров эснафов, декоративное искусство, архитектуру и культурную жизнь крымских татар начали активно проникать традиции османской художественной культуры и турецкого декоративного творчества. Золотоордынско-сельджукскую основу цехового устройства производственной организации в сфере художественных промыслов и декоративного искусства крымских татар продолжила крымскотатарско-османская цеховая система эснафов, руководствовавшихся в своей профессиональной деятельности общим для всех мастеров-производителей сводом уставных правил «Селеф-наме». Определяемое термином *эснаф* профессионально-цеховое устройство деятельности крымскотатарских мастеров производства изделий художественных промыслов и декоративно-прикладного искусства, являясь одним из старейших производственных институтов в мире, представляло собою важнейшую творческо-производственную единицу в экономической и социальной структуре Крымского ханства и играло зна-

чительную роль в деле поддержания на высоком профессиональном уровне производства художественных изделий крымскотатарского декоративного искусства в повседневной жизни. Ремесленное производство в Крымском ханстве было организовано строго по цеховому принципу. Основной ячейкой организации являлись эснафы (множественное число от арабского «слово», «цех», «разряд») – ремесленно-религиозные объединения – цехи, получившие распространение на территории Османской империи и Крымского ханства, а также других мусульманских стран. Этот принцип пережил падение Крымского ханства и просуществовал на полуострове до начала XX в. [17, с. 459]. С целью поддержания определенных пунктами цехового устава *селефнаме* традиций эснафов, крымскими татарами на протяжении многих веков регулярно устраивались цеховые празднества *тефферудж* (*тепредж*), во время которых проводилась церемония посвящения учеников-подмастерьев (*кальфа*, *шегирд*) профессий различных видов крымскотатарских художественных ремесел и декоративного искусства в состоявшихся мастеров-профессионалов (*уста*) под названием *реван* [9, с. 139–154]. После участия в церемонии *реван* вновь поступившие становились полноправными членами цеха, то есть *дестурли*. *Тефферудж* являлся свидетельством благосостояния цеха и был мероприятием очень затратным, продолжавшимся в течение трех дней. Начинался он с общей молитвы за основателя цеха, покойных мастеров и всеобщее благополучие. Далее в цех принимали прошедших обряд посвящения в мастера учеников. Первый день, беспрерывно сопровождавшийся выступлениями музыкантов, завершался танцами и борьбой на поясах *куреши*, в сопровождении специальной музыки для борьбы *куреши авасы*. Второй день посвящался чтению правил цехового устройства и осуществления профессиональной деятельности, завершаясь также музыкой, танцами и борьбой. В третий день происходило торжественное посвящение новичков в ученики: посвящаемый кандидат в ученики целовал руку посвящавшего его мастера, получал от него легкий подзатыльник, его имя заносилось в цеховой список, а посвящавший его мастер становился ответственным за профессиональную подготовку, дисциплину, воспитание и здоровье принятого в цех ученика на протяжении всего его обучения, вплоть до посвящения вновь принятого в подмастерья ученика в мастера. Третий день также проходил под аккомпанемент игры крымскотатарских музыкантов и завершался всеобщей трапезой. Данный праздничный обряд проводился при большом стечении народа и по подсчетам Исмаила Гаспринского, в 1894 г. на празднике решетников-ситочников *элекчилер* в живописном предместье Бахчисарай – Табана Дереси угощалось около четырех тысяч человек, а на угоще-

ний кожевенников *дериджилер* присутствовало пять тысяч человек. И. Гаспринский в 1894 г. опубликовал выдержку из устава «Селеф-наме»: «Любите и берегите своих учеников больше, чем своих детей, ибо за них вы более ответственны перед Аллахом и людьми, они не ваши, они доверены вам. Любите и слушайте ваших учителей и мастеров более, чем родителей, ибо если первые обеспечили первые годы вашей жизни, то мастера и хозяева, научая вас ремеслу, обеспечивают все продолжение вашей жизни посредством самостоятельного и прочного заработка» [12]. Обучение профессиональному мастерству учеников *кальфа*, *чиракъов*, *шегирдов* эснафов художественных промыслов и декоративного искусства проходило в мастерских этих видов профессий Бахчисарая, Карасубазара, Кезлева, Акмечети, Ора, в процессе повседневной трудовой практики. Членство в эснаф означало и членство в мистическом братстве *футува*, т. е. следовании мистическому пути и четко прописанным в уставе правилам и принципам, из которых особо обозначались и высоко ценились честность, верность слову, щедрость и гостеприимство.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абдульватов Н. Суфизм и начальный этап активного распространения ислама в Крыму // Культура народов Причерноморья. Симферополь, 2006. № 79. С. 140–149.
2. Акчокраклы О. Старо-крымские и Отузские надписи XIII–XV вв. Симферополь, 1927. 15 с.
3. Акчокраклы О. Новое из истории Чуфут-Кале / Государственный дворец-музей тюрко-татарской культуры в Бахчисарае. Оттиск из ИТОИАЭ. Т. II (59). Симферополь, 1928. 26 с.
4. Акчокраклы О. Эпиграфические находки // Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии (ИТОИАЭ). 1929. Т. III (60). 196 с.
5. Акчокраклы О. Старо-крымские надписи. (По раскопкам 1928 г.). Симферополь, 1929. 8 с.
6. Артамонов М.И. История хазар. 2-е изд. СПб., 2001. 567 с.
7. Барашьян Е.В. Старинный фольклор крымских армян. Сборник материалов. Симферополь, 2003. 34 [2] с.
8. Бартольд В.В. Крым // Сочинения. Т. III: Работы по исторической географии. Москва: Издательство «Наука», Главная редакция восточной литературы, 1965. 765 с.
9. Булатов Е. Реван или торжественный обряд татар-ремесленников в Крыму // Очерки России, издаваемые Вадимом Пассеком: [Сб. ст. и отрывков из произведений В. Пассека, И. Срезневского, А. Вельтмана и др.]. Кн. 1–5. Кн. 3. СПб., 1840. С. 139–154.

10. Бахши Иман. Джагфар Тарихы. Т. 1. Свод булгарских летописей 1680 г. / Издание подготовлено Ф. Г.-Х. Нурутдиновым. Оренбург: Редакция Вестника Болгария, 1993. 399 с.
11. Гайворонский О. Генуэзцы в Крымском ханстве // Qasevet. 2008. № 33. С. 8–13.
12. Гаспринский И. Цеховые праздники в Бахчисарае // Переводчик. 1894. 26 мая.
13. Джанов А. Каффа, Крымское ханство и османы в 1454–1456 гг. (по данным бухгалтерских книг массарии Каффы) // Сугдейський збірник. Вип. 2 (VIII). Київ. 2019. С. 79–374.
14. Еманов А.Г. «КАФСКИЙ ЛОГОС» Шильтбергера // Материалы по Археологии и Истории Античного и Средневекового Крыма (МАИАСК). 2018. № 10. С. 310–328.
15. Зайцев И.В. Между Москвой и Стамбулом. Джучидские государства, Москва и Османская империя (нач. XV – пер. пол. XVI вв.). М., 2004. 209 с.
16. Зайцев И.В. Образование Крымского ханства // История татар с древнейших времен: в 7 т. Т. IV: татарские государства XV–XVIII вв. Казань, 2014. С. 130–146.
17. История Крыма: в 2 т. / отв. ред. А. В. Юрасов. М., 2018. Т. 1. 600 с.
18. Колодзейчик Д. Крымское ханство как фактор стабилизации на geopolитической карте Европы // Украина и соседние государства в XVII в. Материалы международной конференции. СПб., 2004. С. 83–89.
19. Коновалова И.Г. Восточная Европа в сочинениях арабских географов XIII–XIV вв. М.: Восточная литература РАН, 2009. 220 [3] с.
20. Корхмазян Э.М. Крымская армянская миниатюра. Матенадаран, Ин-т древних рукописей им. М. Маштоца, Союз армян Украины, Крымское армянское о-во. Симферополь – Киев, 2008. 143 с.
21. Кузнецов В.А. Очерки истории алан. Владикавказ. 1992. 392 с.
22. Куник А., Розен В. Известия Ал-Бекри и других авторов о Руси и славянах. Ч. I. СПб., 1878. 191 с.
23. Мец А. Мусульманский Ренессанс. М.: Наука, 1973. 473 с.
24. Микаелян В.А. История крымских армян. Институт истории НАН РА. Киев; Ереван; Симферополь. 2004. 221 с.
25. Письмо настоятеля церкви Alba-lulia Доминика, protonotaria папского, с донесением в 1475 г., что Каффа взята турками и воеводы Стефан Молдавский и Божорад Валахский принесли присягу на верность королю Венгерскому. Сообщил В. Юрьевич // ЗООИД. 1894. Т. XVII. С. 1–2.
26. Пономарев А.Л. Первые ханы Крыма: хронология смуты 1420-х годов в счетах генуэзского казначейства Каффы // Золотоордынское обозрение. 2013. № 2. С. 158–190.
27. Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131–1153 гг.). Публикация Большакова О.Г., Монгайт А.Л. АН СССР. Институт востоковедения. Издательство «Наука», М., 1971. 137 с.

28. Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука / Редакция Н.П. Шастиной. М., 1957. 272 с.
29. Свод армянских памятных записей, относящихся к Крыму и сопредельным регионам (XIV–XV вв.). Составитель Т.Э. Саргсян. Симферополь, 2010. 312 с.
30. Толстов С.П. По следам древнекорезмийской цивилизации. М. 1948. 322 с.
31. Тунманн И. Крымское ханство. Симферополь, 1936. 116.
32. Хромов К.К. О хронологии правления Давлат Берди-хана в Крымском улусе по нумизматическим данным (последние джучидские серебряные монеты Крыма) // От Онона к Темзе. Чингизиды и их западные соседи. М., 2013. с. 378–416.
33. Шумкин А.В. Захария де Гризольфи – князь Таманский, вождь «франков», Сююрташ-бей // Тюркологический сборник 2015–2016: Тюркский мир Евразии. М., 2018. С. 150–178.
34. Эвлия Челеби. Книга путешествия. Крым и сопредельные области (Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века). Изд. 2-е, исправленное и дополненное. Симферополь, 2008. 272 с.
35. Heath W. Lowry. Trabzon Şehrinin İslamlanması ve Türkleşmesi (1461–1583). İstanbul: Boğaziçi Üniversitesi Yayınevi, 1981. 190 s.
36. Inalcık H. The Khan and the tribal aristocracy: The Crimean Khanate under Sahib Giray I // Eucharisterion: Essays presented to Omeljan Pritsak on his Sixtieth Birthday by his Colleagues and Students Harvard, 1879–1980. Cambridge, MA, 1980. (HUS; Vol. III/IV). P. 445–446.
37. Öztürk Yücel. Osmanlı hakimiyetinde Kefe 1475–1600. TC Kültür Bakanlığı. Osmanlı Eserleri. 2000. 570 s.
38. Zaytsev I. The structure of the Giray Dynasty (15th–16th Centuries): Matrimonial and Kinship Relations of the Crimean Tatars. In: Kinship in the Altaic World, edited by V. Boikova and B. Rybakov. Wiesbaden: Harrassowitz, 2006, pp. 321–353.

Сведения об авторе: Заатов Исмет Аблятилович – доктор философии в арт-критицизме, кандидат искусствоведения, ведущий научный сотрудник Крымского научного центра Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (420111, ул. Батурина, 7, Казань, Российская Федерация); старший научный сотрудник Научно-исследовательского института крымскотатарской филологии, истории и культуры этносов Крыма, Крымский инженерно-педагогический университет им. Февзи Якубова (295015, Учебный пер., 8, Симферополь, Российская Федерация); научный сотрудник, Институт культурной антропологии и фольклора Университета ХАЗАР (AZ1096, ул. Мехсети 41, Баку, Азербайджан); zaatov@gmail.com

Ethnocultural basis of the formation process of the Crimean Tatar art culture and decorative and applied art (5)*

Ismet Zaatov

*Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences;
Fevzi Yakubov Crimean Engineering and Pedagogical University;
Institute of Cultural Anthropology and Folklore, KHAZAR University*

Abstract. The interpenetration of ethno-confessional cultures and art of the Tatar, Seljuk, Armenian, Jewish, Greek Orthodox and Italian population of the Crimean Khanate, at the initial stage of its existence, contributed to emergence of the national cultures on the map of the world of the Crimean Tatar artistic cultural and decorative arts, which began to experience the direct influence of the post-Byzantine – Turkic Islamic culture of the Ottoman Empire, the impulses of which penetrated into the Crimean Tatar cultural environment through the capital Bakhchisarai, Ottoman Kefe and the settlements of the Tat region of Crimea.

Keywords: artistic culture, Crimean Tatars, Armenians, Jews, Greeks Orthodox, Tats, Ottomans, Crimean Khanate, Kefe, Tat Ili, Turkization, Islamization

For citation: Zaatov I.A. Ethnocultural basis of the formation process of the Crimean Tatar art culture and decorative and applied art (5). *Krymskoe istoricheskoe obozrenie=Crimean Historical Review*. 2025, vol. 12, no. 2, pp. 102–127. DOI: 10.22378/kio.2025.2.102-127 (In Russian)

REFERENCES

1. Abdulvapov N. Sufism and the initial stage of the active spread of Islam in the Crimea. *Culture of the Peoples of the Black Sea Region*. Simferopol, 2006. no. 79, pp. 140–149. (In Russian)
2. Akchokrakly O. Old Crimean and Otuz inscriptions of the 13th–15th centuries. Simferopol, 1927. 15 p. (In Russian)

* Continuation. See the beginning in: Zaatov I.A. Ethno-cultural basis of the formation process of the Crimean Tatar art culture and decorative and applied art (1–4). *Krymskoe istoricheskoe obozrenie=Crimean Historical Review*. 2021, no. 2, pp. 134–170. DOI: 10.22378/kio.2021.2.134-170 (In Russian); 2022, vol. 9, no. 1, pp. 123–154. DOI: 10.22378/kio.2022.1.123-154 (In Russian); 2023, vol. 10, no. 1, pp. 120–146. DOI: 10.22378/kio.2023.1.120-146 (In Russian); 2023, vol. 10, no. 2, pp. 143–168. DOI: 10.22378/kio.2023.2.143-168 (In Russian).

3. Akchokrakly O. Something new from the history of Chufut-Kale. The State Palace-Museum of the Turkic-Tatar culture in Bakhchisarai. Impression from ITOIAE, vol. II (59). Simferopol, 1928. 26 p. (In Russian)
4. Akchokrakly O. Epigraphic finds. *ITOIAE = News of the Tauride Society of History, Archaeology and Ethnography*. 1929, vol. III (60). 196 p. (In Russian)
5. Akchokrakly O. Old Crimean inscriptions. (According to excavations in 1928). Simferopol, 1929. 8 p. (In Russian)
6. Artamonov M.I. History of the Khazars. 2nd ed. Saint Petersburg, 2001. 567 p. (In Russian)
7. Barashyan E.V. Ancient folklore of the Crimean Armenians. Collection of materials. Simferopol, 2003. 34 [2] p. (In Russian)
8. Bartold V.V. Crimea. *Works. T. 3: Works on historical geography*. Moscow: Nauka publishing house, Major editorial team of eastern literature, 1965. 765 p. (In Russian)
9. Bulatov E. Revan or the ceremonial rite of Tatar artisans in Crimea. *Essays on Russia, published by Vadim Passek*: [Collection of articles and excerpts from the works of V. Passek, I. Sreznevsky, A. Veltman, and others]. Book 1–5. Book 3. St. Petersburg, 1840. Pp. 139–154. (In Russian)
10. Bakhshi Iman. Jagfar Tarihi. Vol. 1. Collection of Bulgarian chronicles of 1680. Published by F. G.-Kh. Nurutdinov. Orenburg: Editorial Board of the Bulletin of Bulgaria, 1993. 399 p. (In Russian)
11. Gaivoronsky O. Genoese in the Crimean Khanate. *Qasevet*. 2008. No. 33. Pp. 8–13. (In Russian)
12. Gasprinsky I. Workshops holidays in Bakhchisarai. *Perevodchik*. 1894. May 26. (In Russian)
13. Dzhanov A. Kaffa, the Crimean Khanate and the Ottomans in 1454–1456 (According to the books of the Massaria of Kaffa). *Sugdeysky collection*. Iss. 2 (VIII). Kyiv, 2019, pp. 79–374. (In Russian)
14. Yemanov A.G. “Caffa’s logos” of Shiltberger. *Materials on Archeology and History of Ancient and Medieval Crimea (MAIASK)*. 2018. No. 10. Pp. 310–329. (In Russian)
15. Zaitsev I.V. Between Moscow and Istanbul. Jochid states, Moscow and the Ottoman Empire (beginning of the 15th – first half of the 16th centuries). Moscow, 2004. 209 p. (In Russian)
16. Zaitsev I.V. Formation of the Crimean Khanate. *History of the Tatars from ancient times*: in 7 volumes. Vol. IV: Tatar states of the 15th–18th centuries. Kazan, 2014. Pp. 130–146. (In Russian)
17. History of the Crimea: in 2 volumes. Ed. A. V. Yurasov. Moscow, 2018. Vol. 1. 600 p. (In Russian)
18. Kolodzeichik D. Crimean Khanate as a factor of stabilization on the geopolitical map of Europe. *Ukraine and neighboring states in the 17th century*. Materials of the international conference. Saint Petersburg, 2004. Pp. 83–89. (In Russian)
19. Konovalova I.G. Eastern Europe in the works of Arab geographers of the 13th – 14th centuries. Moscow: Oriental Literature of the Russian Academy of Sciences, 2009. 220 [3] p. (In Russian)

20. Korkhmazyan E.M. Crimean Armenian miniature. Matenadaran, M. Mashtots Institute of Ancient Manuscripts, Union of Armenians of Ukraine, Crimean Armenian Island. Simferopol – Kyiv, 2008. 143 p. (In Russian)
21. Kuznetsov V.A. Essays on the history of the Alans. Vladikavkaz, 1992. 392 p. (In Russian)
22. Kunik A., Rosen V. News of Al-Bekri and other authors about Russia and the Slavs. Vol. I. Saint Petersburg, 1878. 191 p. (In Russian)
23. Metz A. Muslim Renaissance. Moscow: Nauka publishing house, 1973. 473 p. (In Russian)
24. Mikaelyan V.A. History of the Crimean Armenians. Institute of History of the National Academy of Sciences of Armenian. Kiev; Yerevan; Simferopol, 2004. 221 p. (In Russian)
25. Letter from the rector of the church Alba-lulia Dominik, papal protonotary, with a report in 1475 that Caffa was taken by the Turks and the governors Stefan of Moldavia and Bozhorad of Wallach took an oath of allegiance to the King of Hungary. Reported by V. Yurgevich. *ZOID=Notes of the Odessa Society of History and Antiquities*. 1894. Vol. XVII, p. 1–2. (In Russian)
26. Ponomarev A.L. The early Khans of Crimea: the Chronology of the Turmoil in the Accounts of the Genoese Treasury of Caffa, 1420s. *Zolotoordynskoye obozreniye = Golden Horde Review*. 2013, no. 2, p. 158–190. (In Russian)
27. Journey of Abu Hamid al-Garnati to Eastern and Central Europe (1131–1153). Bolshakov O.G., Mongait A.L. Moscow, 1971. 137 p. (In Russian)
28. Travels to the eastern countries of Plano Carpini and Rubruk. Edited by N.P. Shastina. Moscow, 1957. 272 p. (In Russian)
29. Code of Armenian memorabilia relating to the Crimea and adjacent regions. (14th–15th centuries). Comp. by T.E. Sargsyan. Simferopol, 2010. 312 p. (In Russian)
30. Tolstov S.P. In the footsteps of the ancient Khorezmian civilization. Moscow, 1948. 322 p. (In Russian)
31. Tunmann I. Crimean Khanate. Simferopol, 1936. 116 p. (In Russian)
32. Khromov K.K. On the chronology of the reign of Davlat Berdi Khan in the Crimean ulus according to numismatic data (the last Juchid silver coins of the Crimea). *From Onon to the Thames. Genghisides and their western neighbors*. Moscow, 2013. P. 378–416. (In Russian)
33. Shumkin A.V. Zechariah de Grisolfi – Prince of Taman, the leader of the “Franks”, Syuyurtash-bey. *Turkological collection 2015–2016: The Turkic world of Eurasia*. Moscow, 2018. Pp. 150–178. (In Russian)
34. Evliya Celebi. Travel book. Crimea and adjacent regions (Extracts from the work of a Turkish traveler of the 17th century). 2nd ed., revised and corrected. Simferopol, 2008. 272 p. (In Russian)
35. Heath W. Lowry. The Islamization and Turkification of the City of Trabzon (1461–1583). Istanbul: Boğaziçi University Press., 1981. 190 s. (In Turkish)
36. Inalcik H. The Khan and the tribal aristocracy: The Crimean Khanate under Saib Giray I. *Eucharisterion: Essays presented to Omeljan Pritsak on his Sixtieth Birthday by his Colleagues and Students Harvard, 1879–1980*. Cambridge, MA, 1980. (HUS; Vol. III/IV). P. 445–446.

37. Öztürk Yücel. Caffa under Ottoman rule 1475–1600. Ministry of Culture of the Republic of Turkey. Ottoman Works. 2000. 570 s. (In Turkish)

38. Zaytsev I. The structure of the Giray Dynasty (15th–16th Centuries): Matrimonial and Kinship Relations of the Crimean Tatars. In: Kinship in the Altaic World, edited by V. Boikova and B. Rybakov. Wiesbaden: Harrassowitz, 2006, pp. 321–353.

About the author: Ismet A. Zaatov – Dr. Philosophy (Art Criticism), Cand. Sci. (Art history), Leading Researcher of the Crimean Scientific Center, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (7, Baturin Str., Kazan 420111, Russian Federation); Senior Researcher of the Research Institute of the Crimean Tatar Philology, History and Culture of the Crimea Ethnoses, Fevzi Yakubov Crimean Engineering and Pedagogical University (8, Uchebny lane, Simferopol 295015, Russian Federation); Research Fellow at the Institute of Cultural Anthropology and Folklore under Khazar University (41, Mehseti Str., Baku AZ1096, Azerbaijan); zaatov@gmail.com